

Ключевые слова

Т.Н. Ливанова, «Воспоминания», жизнь, годы, Москва, театр, кино, чтение, музыка.

Рахманова М.П.

Места, времена, наблюдения на страницах «Воспоминаний» Т. Н. Ливановой

Публикация С.А. Петуховой

Настоящий текст продолжает серию статей, посвящённых трёхтомным «Воспоминаниям» Т.Н. Ливановой (1974–1983), подготовка которых к изданию осуществляется в Государственном институте искусствознания. В статье впервые сделана попытка осмыслить смену времён, особенности мест, впечатления от событий бытовой и художественной жизни, как они виделись автору мемуаров. Параллельную линию рассуждений составили воспоминания самой Рахмановой о тех же местах и событиях, но об иных временах, что придаёт повествованию объём и перспективу.

Ключевые слова

Key Words

T. N. Livanova, *Memoirs*, life, years, Moscow, theatre, cinema, reading, music.

Marina Rakhmanova

**Places, Times, Observations on the Pages
of *Memoirs* by Tamara Livanova**
Ed. by S. Petukhova

The present text continues a series of articles related to the three-volume edition of *Memoirs* by Tamara Nikolayevna Livanova (1974–1983), which is being prepared for publication at the State Institute for Art Studies. This is the first attempt to comprehend the change of times, the peculiarities of places, impressions from the events of everyday and artistic life, as they were seen by the author of memoirs. A parallel line of reasoning is Marina Pavlovna Rakhmanova's own memories of the same places and events, though related to different times. This provides the narrative with volume and perspective.

Работа над подготовкой к изданию трёхтомных «Воспоминаний» Т. Н. Ливановой (1909–1986) началась в октябре 2021 года. Помимо обработки и комментирования первых разделов этого текста, за прошедший год публикаторы написали почти четыре статьи (для каждой указано место будущего издания).

1. Рахманова М. П. Читая «Воспоминания» Т. Н. Ливановой: портреты современников. Ч. 1 // Художественная культура. 2022 – объём 1, 5 а. л.
2. Петухова С. А. Тамара Ливанова и её «Воспоминания» // Музыкальная Академия. 2022 – 1 а. л.
3. Петухова С. А. Читая «Воспоминания» Т. Н. Ливановой: портреты современников. Ч. 2 // Художественная культура. 2023 – 1 а. л.
4. Рахманова М. П. Места, времена, наблюдения на страницах «Воспоминаний» Т. Н. Ливановой // Искусство музыки: теория и история. 2022. – 1 а. л. (не завершена).

Почему «почти», ясно из перечисленного: четвёртая статья не завершена и завершённой никогда уже не станет. Однако было принято решение не хоронить её «в столе». Всё-таки не для него она писана, и закономерно, что финальное высказывание нашей коллеги продолжит жить на страницах журнала о музыке.

Марина Павловна Рахманова (1947–2022) была увлечена биографией и исследованиями Ливановой на протяжении длительного периода, как минимум с середины 1990-х. В процессе чтения двух статей нетрудно заметить, как обаяние личности Ливановой, её мышления и яркого самобытного дарования влияло на стиль её публикатора. Даже такой мощный автор, как Марина Павловна, не старался противостоять этим влияниям. Постепенно цитаты из «Воспоминаний» вытесняли иные рассуждения и комментарии, однако совсем отказаться от «авторского слова» Марина не хотела, оставляя для себя возможность не столько корректировки изложенных сведений, сколько «второго взгляда» на них.

Редактура представленной статьи минимальна: уточнение дат и цифр, знаков препинания, кавычек, оформление сносок. Текст был оставлен без названия, однако оно обсуждалось, и этот пробел также восполнен.

Светлана Петухова

В августе 1979 года Т. Н. Ливанова писала:

183

Средняя продолжительность жизни у нас в последнее время 70 лет, каждый год дальше – особый подарок. Не сказала бы, что 70 лет мне нравятся, но и не сказала бы, что особенно не нравятся. Это двойственno. Только издали кажется – «старик», «молодой», «средних лет»... На самом деле всё спутано: что-то ёщё молодо внутри, что-то явно стареет, словно к перемене погоды в воздухе борются тёплые и холодные струи. Крепнет сознание, что «снаружи», для окружающих ты стар, что бы там «внутри» ни происходило.

Важны не годы, важна идущая жизнь, а она не останавливается, не замедляется. Работы возникают одна за другой, складываются естественно, движутся быстро, становятся реальными книгами. В конце концов дело, созидание в первую очередь и есть жизнь. Мы стареем, а жизнь всё равно остаётся молодой и прекрасной. Умейте только дорожить ею в любом возрасте! И быть благодарными¹.

Ей хотелось довести «Воспоминания» до текущего времени, чтобы далее продолжать их как дневник. К сожалению, этого не получилось – «Воспоминания» обрываются на только начатом описании художественных впечатлений начала 1980-х...

Наряду с яркими портретами людей, в «Воспоминаниях» Т. Н. Ливановой много красочных и выразительных описаний мест, в которые доводилось ей попадать, в том числе Самарканда, где после 1920 года несколько лет жила её семья, Вологды, в которую привели Ливановых сложные обстоятельства революционных лет, Пензы и Саратова, где семья жила в эвакуации, и т. д. Все описания весьма подробны, что наводит на мысль, возникающую сразу же при чтении «Воспоминаний»: автор вёл дневник, впоследствии, очевидно, уничтоженный (а в более поздние годы тщательно хранил семейную переписку и многие полученные от разных людей письма). Вероятно, долгое время это был не постоянный Дневник, а отдельные записи, поскольку речь о постоянном, буквально «подневном» Дневнике заходит довольно поздно – по отношению к 1953-му². Но кроме портретов и описаний в «Воспоминаниях» есть ёщё, так сказать, «стоп-кадры» – фрагменты, в которых автор подводит итоги определённого периода своей жизни на фоне жизни страны

¹ Ливанова Т. Н. Воспоминания. Т. 3 // РХММ. Ф. 194 (Ливанова Т. Н.) № 1754-в. Авторизованная машинопись. Л. 116б. Подчёркивания в текстах цитат здесь и далее принадлежат их автору.

² Ливанова Т. Н. Воспоминания. Т. 2 // РХММ. Ф. 194. № 1754-б. Автограф, машинопись. Л. 608.

и происходящих событий. Особенно чётко это выражено в первом, довоенном, томе «Воспоминаний».

Так, крупный «стоп-кадр» относится ко второй половине 1920-х, к тем двум годам, когда в образовании автора, и до того не слишком систематическом (ввиду перемещений семьи в связи с работой отца), возникает длительная пауза: закрылся Институт слова, в который поступила юная Тамара, и ещё не был проложен путь в Музикальный техникум имени Гнесиных, с появления в котором, собственно, и началось её профессиональное образование. Этот промежуток времени назван мемуаристкой «Мои университеты»: целые дни она проводила в читальном зале Ленинской библиотеки³, занимаясь самообразованием.

Мне хотелось знать основное в развитии русской и зарубежной литературы, знать всё о Чехове, Достоевском и Л. Толстом и быть в курсе современности. Так я и работала каждый день, систематически, полагаясь только на себя. Сохранились записи того, что я прочитала примерно за два года (осень 1925 – осень 1927). Мне хочется рассказать об этом. Всю жизнь я работала очень быстро, читала с особенной быстротой (запоминала всё интересное). Иной раз мне не слишком верили, думали, что я преувеличиваю, если не лгу. Даже теперь, когда мне идёт седьмой десяток! Поэтому сошлюсь на факты давних лет⁴.

Далее следует потрясающий список авторов и книг – при том, что имена и названия даются сокращённо и через запятые, он занимает более четырёх страниц мелким почерком без пробелов и охватывает самые разные эпохи и страны. Можно поверить Тамаре Николаевне, утверждавшей, что при очень быстром чтении она сразу «запоминала всё интересное». Об этом может свидетельствовать, например, хотя бы её первая книга о Бахе⁵, написанная в эвакуации (1941–1943), буквально «на коленке» и почти без подсобной литературы, или книга о музыке в творчестве Максима Горького⁶, созданная неправдоподобно быстро и категорически невозможная без того, чтобы не

³ С 24 января 1924 года – Российская библиотека имени В. И. Ленина, с 6 февраля 1925 года – Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина (ГБЛ, в просторечье «Ленинка»), с 22 января 1992 года – Российская государственная библиотека (РГБ).

⁴ Ливанова Т. Н. Воспоминания. Т. 1 // РНММ. Ф. 194. № 1754-а. Автограф. Л. 124–125.

⁵ Ливанова Т. Н. Музыкальная драматургия И. С. Баха и её исторические связи. Ч. I. Симфонизм. М.; Л.: Гос. муз. изд-во, 1948.

⁶ Ливанова Т. Н. Музыка в произведениях Максима Горького. Опыт исследования. М.: Изд-во АН СССР, 1957.

держать в памяти едва ли не всё огромное наследие писателя (хотя, конечно, Ливанова перечитывала Горького, готовясь к этой работе).

Особым теплом проникнуты воспоминания о «Ленинке» тех лет (как, впрочем, в большой мере, воспоминания и о других библиотеках, московских и петербургских):

В самом деле, ни одно учреждение не образовало меня так, как библиотека за многие-многие годы (не исключая и самых последних). Тогда, в 1920-е годы библиотека была совсем не такой, как сейчас. Нового здания ещё не построили. Работал один для всех зал в старинном здании – для всех «уровней» учёности, для всех специальностей. Столы стояли свободнее, чем теперь. Вешалка помещалась прямо напротив входа: ступени вверх, ступени вниз. Контроль – у двери в зал. Каталоги в зале – поблизости от входа и выхода. Налево от входа – кафедра с книгами «близкого» фонда; направо – для заказов по каталогу. На этой, правой кафедре работали мужчины типа доцентов – весьма сведущие, толковые, очень доброжелательные. В те годы, как известно, переводы многих иностранных авторов ещё не существовали у нас в отдельных изданиях; для меня, по моим заказам, подбиралась периодика XIX или XX века, где эти произведения публиковались на русском языке. Наверху, на площадке второго этажа помещался буфет: только крепкий чай и превкусные бутерброды. На хорах мы стояли, отдыхали, болтали. Порою оттуда слышались нарочито громкие вздохи поэта Приблудного⁷, который в тёплые дни щеголял в одних трусах, босиком и хотел, чтобы его заметили.

На меня с первых дней этот зал действовал как-то особенно – торжественно, с подъёмом. Сама архитектура внушала «высокие» чувства, а бесконечное погружение в книги создавало ощущение ухода в огромный новый мир. Конечно, все мы, молодые читатели, могли немного и поболтать, и посмеяться, заявляли новые знакомства, но это оставалось совершенно второстепенным⁸.

Я ещё краем сознания помню этот зал, который в мою пору был юношеским отделом РГБ, помню, какое благоговение он вызывал и у меня.

Остались в благодарной памяти также особенные люди, работавшие как в пору Ливановой, так и в мою пору в Библиотеке консерватории.

В годы студенчества, аспирантуры и последующей работы в Консерватории я много общалась с работниками её библиотеки – с научными работниками или

⁷ Приблудный Иван (наст. имя Овчаренко Яков Петрович, 1905–1937) – поэт первого поколения отечественных «деревенщиков», относившийся к есенинскому кругу.

⁸ Ливанова Т. Н. Воспоминания. Т. 1. Л. 133.

персоналом не «на выдаче», а в читальне. Это были по преимуществу весьма пожилые и образованные дамы, очень доброжелательные. Нам, музыкovedам, ещё проходившим лишь семинар по библиотечному делу, уже разрешалось свободно подходить к полкам, подыскивать себе нужные издания. Кроме Г.М. Ванькович⁹, в библиотеке работали М.И. Медведева¹⁰, М.Ф. Кенеман¹¹, З.Ф. Савёлова, с которыми мы соприкасались повседневно. Зинаида Филипповна Савёлова, самая старшая из них, из числа друзей С. И. Таинева, была «кучёной женщины» старого типа, превосходным библиографом, образованным музыкovedом¹². Придя как-то к ней домой (она жила рядом с Консерваторией – в Сытинском тупике), чтобы сфотографировать, по её просьбе, её кота, я увидела у неё на стене свой портрет. На моё недоумение она ответила, что восхищается такой учёностью у женщины. И добавила, что никогда не забудет, как я опубликовала библиографию о Римском-Корсакове, взяв у неё несколько названий, но поставив в журнале две фамилии: её и свою¹³. «Так обычно не делают!»¹⁴.

Общение не именно с этим, конечно, но с подобным ему следующим поколением библиотечных дам приносило и мне огромную пользу, и не меньшее удовольствие – если удавалось заслужить их милостивое внимание.

Ливановские итоговые «стоп-кадры» по довоенному периоду состоят из нескольких частей: описание быта, чтение, художественные (преимущественно театральные) впечатления, музыкальные впечатления. Кроме того, на примере собственной семьи автор прослеживает динамику эпохи: от рубежа 1920-х и 1930-х к предвоенным годам.

Начало тридцатых:

- ⁹ Ванькович–Гнесина Галина Маврикиевна (1893–1976) – пианистка, выпускница класса А. Б. Гольденвейзера, жена М. Ф. Гнесина. Заведовала нотным отделом библиотеки МГК с середины 1920-х до 1957 г.
- ¹⁰ Медведева Мария Ивановна (1874–1945) – музыкoved, выпускница МГК по классу Б. Л. Яворского. Сотрудник (с 1929), затем директор (1940–1944) библиотеки.
- ¹¹ Кенеман Мария Фёдоровна (1874 – после 1941) – выпускница Петропавловской женской гимназии. Научный сотрудник библиотеки МГК (1927–1941).
- ¹² Савёлова (урожд. Воронова) Зинаида Филипповна (1862–1943) – музыкoved, выпускница класса Б. Л. Яворского, переводчик, педагог, один из первых русских библиографов в музыкальной области, сотрудник многих учреждений. В библиотеке работала со второго года её организации в рамках общества «Музикально-теоретическая библиотека» (1910) до начала 1930-х.
- ¹³ Ливанова Т. Н., Савёлова З. Ф. Указатель литературы о Н. А. Римском–Корсакове на русском языке // Советская музыка. 1933. № 3. С. 188–194.
- ¹⁴ Ливанова Т. Н. Воспоминания. Т. 1. Л. 231 об.

Вот, к примеру: 19 апреля 1931 года мы — педагог Консерватории и студентка второго курса — отправились в Загс (Нащокинский переулок). Не на машинах, а на своих двоих. Не с компанией, а только вдвоём (свидетелей тогда не требовалось). Не принаряженные, а в своей каждодневной одежде (другой не было!) В Загсе, в типично-канцелярской обстановке, нас зарегистрировали (мы были в зимних пальто, не успели даже сесть) — без поздравлений, без речей, без фотографирования и прочего. Паспортов ёщё не было. В «удостоверении личности» мужа раньше было записано: «в зарегистрированном браке не состоит». «Не» вычеркнули — только и всего! (Это удостоверение лежит сейчас передо мной). Оттуда мы отправились к родителям мужа. Пообедали четвертом с ними. На первое был грибной суп с сушёной картошкой. Разносолов не могло быть: действовали продовольственные карточки. Ничего не пили. Захватив две смены белья и несколько книг, отправились к себе. Другого имущества почти не было; только книги и ноты мы переносили ёщё с полгода. Никто нам ничего — ни нитки! — к свадьбе не дарил, никто не поздравлял. Ощущали мы всё это, как лишения? Нимало, ни в какой степени! Нам больше ничего и не было нужно... Наши радости и дальше были в работе, в искусстве, в природе, в нас самих, в том, что связало нас на всю жизнь. Но не только: и в том, что совершалось хорошего и важного в окружающем мире¹⁵.

Конец тридцатых:

В предвоенные годы постепенно налаживалась наша жизнь и с материальной стороны. Новые вузовские ставки, значительные гонорары, полученные за книги, позволили нам сменить наши открытые книжные полки на шведские шкафы, купить кое-что из мебели взамен сборных дешёвых столов и гардероба типа «гей, славяне». До 1935–1937 годов наша одежда была предельно скромной: я читала лекции в бумажном платье (у меня не было наручных часов — кстати сказать), муж ходил порою в куртках. Теперь мы сумели заказать себе одежду у портных и оделись значительно приличнее. <...> У меня появились, среди всего прочего, длинные вечерние платья, хорошие пальто, обувь. Где-то около середины 1930-х годов вновь резко изменились линии одежды: вошли в моду высокие плечи (подставка; держались около 20-и лет!), редкие прямые линии пальто, некая «монументальность» в общем силуэте, включая обувь. Мы нисколько не были избалованы достатком: в студенческие годы у меня было одно шерстяное платье, одни чулки... Поэтому даже относительное «благосостояние» ощущали с радостью¹⁶.

¹⁵ Там же. Л. 265–266.

¹⁶ Там же. Л. 232.

Очень выпуклая характеристика моды — автор никогда не была равнодушна к одежде и сама могла при надобности сшить всё для себя.

<...> Тогда очень мало что праздновали (кроме общегосударственного «красного календаря»): прекратились ёлки, не встречали публично Новый год, не поздравляли как правило друг друга с какими-либо датами или событиями. Дни рождений справлялись обычно в узком кругу семьи (если вообще справлялись); свадьбы совершались чаще незаметно, как наша. И это не ощущалось как ограничение: просто было в духе времени. Для иного не было, так сказать, настроения в обществе, занятом слишком многими первоочередными задачами. Когда я защитила диссертацию, нам в голову не пришло «отмечать» это ужином, банкетом или хотя бы собирающим близких друзей! Да никто и не ждал этого: не было принято.

Но уже примерно с 1938 года каждый выпуск студентов нашего факультета праздновал своё окончание. Всё это, казалось бы, пустяки: празднования выпускников и т.п. Но и они возникли в новой, изменяющейся общественной обстановке (лозунг «жить стало лучше, жить стало веселее» не был абстракцией, хотя в мире и стало тревожнее); для них появилась почва, материальная и духовная¹⁷.

Что касается быта предвоенных десятилетий вообще, то особенно красочно описан дом, куда переехали вернувшиеся в Москву из Средней Азии Ливановы (и где прожили несколько десятилетий):

Сейчас жильцы оттуда выселены и дом перестраивается для учрежденческих целей. Это и понятно: в своё время, незадолго до Первой мировой войны, семиэтажный дом № 3 (дом Гинзбурга) по Мало-Кисловскому [позднее Собиновскому] переулку (соединяющему Воздвиженку, ныне проспект Калинина, с Большой Никитской, ныне улица Герцена) строился под гимназию: со светлыми широкими коридорами, большими комнатами, без кухонь, ванных и т. п. Лишь в подвально-первом (дом стоит на неровном месте — частью у него полуподвал, частью первый этаж) и во втором этажах площадь разделяется на две неравные части (очевидно планировались квартиры для директора и инспектора школы, а внизу — какие-то службы, дворник, сторожка, прислуга). Гимназия в доме Гинзбурга «не состоялась»: началась война, в доме устроили госпиталь. Мы застали в доме нечто вроде «самоуправления» <...> Лифт не работал. Плиты топились дровами, как и колонки ванных. Мы жили первоначально на втором этаже <...> в небольшой квартире № 2 (1925–1934 годы), затем на четвёртом этаже в комнате № 26 (недолго) и в комнате № 21 (1935–1966). Чтобы не проходить десятки раз <...> «полквартала» до кухни, жильцы большого коридора (№

¹⁷ Там же. Л. 266–267.

21, 22, 23, 24, 25), и мы в том числе, готовили в проходной умывальной нашего коридора: здесь стояли столики с примусами, а затем газовая плита. Ванная до 1950 года была одна, и та еле-еле работала. Дотошный В.Г. Васильченко составил «6 условий пользования ванной» (они висели на стене), из которых было ясно, что пользоваться ею почти нельзя. К счастью нам приходилось мало хозяйствничать: обедали мы у родителей. Но мама, жившая на третьем этаже, в комнате 15, готовила на кухне, в точности такой же, как в узком коридоре нашего этажа. Ей там приходилось нелегко, но она любила быть на людях и охотно шла им на помощь¹⁸.

Финальные разделы предвоенного периода «Воспоминаний» посвящены собственно художественным впечатлениям в то время, когда, по словам мемуаристки, «<...> всё было полно движения <...> ничто не стояло на месте»¹⁹.

Ливанова конкретизирует свое восприятие духа времени на примере изменяющейся Москвы:

Преобразились московские набережные, возникли новые огромные мосты, выросли отличные здания, например, на Фрунзенской набережной. А ведь именно эта «окружающая среда» сильнейшим образом изо дня в день действует на человека, влияет на его настроение, даже как-то организует и стимулирует его! И пусть у нас в квартирах ещё мало изменились условия жизни, новый общественный облик Москвы не мог не радовать всех, кто любил её.

Совершались на нашей памяти и иные события, объединяющие огромный круг людей всеобщими радостными чувствами, особого рода подъёмом. С каким интересом и постоянным волнением мы следили за известиями о папанинцах и их полярной зимовке! Как гордились перелётом Чкалова в Америку по «Северному пути!» А эпопея челюскинцев! Эти радостные волнения удивительно объединяли и равняли всех нас. Всеобщее... Всеобщее без натяжек и внушений, даже без разъяснения и агитации – огромная сила. Она, между прочим, воспитывала тогда всех – от школьников до стариков. Если сравнить трудности тех лет <...> (начало 1920-х) и жизненный уровень конца 1930-х годов, – покажется, что мы перешли из одного мира в другой [выделено мною – М. Р.] Да так оно и было. И поскольку этот переход только-только совершался, мы со свежими чувствами радовались каждому его признаку, от знаменательных и высоких до самых простых, обыденных, житейских²⁰.

Нам эта эпоха представляется скорее мрачной – коллективизация, голод, «большой террор» и проч., а пафос строительства

¹⁸ Там же. Л. 233 об.–234–234 об., 237.

¹⁹ Там же. Л. 265.

²⁰ Там же. Л. 268–270.

страны кажется скорее официозным, поскольку строительство это сопровождалось серьёзнейшими жертвами. Жизнь была вообще нелёгкой для большинства людей, и существуют многочисленные вовсе не оптимистичные воспоминания о том времени, равно как и свидетельства художественной литературы. Однако можно отметить, что описываемые Ливановой «всеобщие чувства» тоже находят подтверждение и в художественных текстах, и в воспоминаниях о 1930-х годах, особенно в Москве как столице.

Так, на сайте [Moscowchronology.ru](https://moscowchronology.ru), где собраны всякого рода сведения и воспоминания о разных эпохах в жизни города, тридцатым годам дается именно такая характеристика:

Предвоенные годы запомнились многим москвичам как самый счастливый период в жизни. Этот ностальгический образ ушедшего золотого века отразился и во многих фильмах о начале Великой Отечественной войны. После войны жизнь не сразу вошла в привычную колею, но в 50–60-е годы москвичи объективно жили лучше, чем в предвоенный период. Тем не менее, о предвоенных годах даже те, кто жил не слишком-то богато, вспоминали как о чём-то безоблачно-прекрасном... Почему?

Феномен предвоенных лет заключался в том, что эти годы оказались между двумя очень сложными для выживания периодами. С одной стороны, закончился посленэповский период карточной системы, и люди (особенно в столице, где снабжение было лучше) вздохнули немного свободней. Казалось, жизнь начала налаживаться! С другой – ещё не наступили тяжёлые военные годы. Предвоенный период оказался для москвичей небольшим оазисом относительно спокойной жизни, когда у людей было много надежд, когда в будущее смотрели с оптимизмом²¹.

Впрочем, и Ливанова не всё видит «безоблачно-прекрасным», о главных негативных факторах «чувствования времени» она пишет далее:

Я погрешила бы против истины, если бы стала утверждать, что наша жизнь в 1930-е годы протекала просто счастливо и безмятежно и что все наши трудности сводились к напряжённейшему труду. По крайней мере два существенных исторических обстоятельства категорически препятствовали такому чувству времени. Утверждение фашизма в Германии и Италии, подготовка и затем наступление в 1939 году второй мировой войны – ясно или смутно мы это осознавали – накладывали свойства напряжения и настороженности на всё наше тогдашнее мировосприятие. Рвались наши связи с зарубежной нау-

²¹ Счастливые воспоминания о предвоенной Москве // Эл. ресурс: https://moscowchronology.ru/predvoennaya_Moskva.html (дата обращения 13.10.2022).

кой. Мы быть может ещё острее чувствовали новое в жизни своей страны, но одновременно были полны тревоги за судьбы мира. Вся Европа дышала тревогой — и могло ли быть иначе? Война в Испании и её трагический исход уже служили страшным предостережением... Мы почти ощущали этот канун нашествия 1941 года — и гнали мысли о близкой опасности. Были у нас тогда и особые внутренние трудности (о которых хорошо помнят современники), связанные с ростом культа личности Сталина, с необоснованными порой репрессиями и отчасти возникающей отсюда напряжённостью общественной атмосферы. К счастью, ни нашей семьи, ни людей нашей профессии это почти не коснулось <...>

Как бы то ни было, хорошего и отрадного в нашей жизни оставалось много больше, чем плохого. Когда разразилась война, мы с небывалой остротой и горечью временной утраты ощутили это на самих себе и на всём, что нас окружало²².

Многие страницы финального раздела по тридцатым годам посвящены театральным впечатлениям. Тамара Николаевна и её муж были завзятыми театралами, страстными поклонниками МХАТа, хотя не обходили вниманием и другие театры, среди музыкальных отдавая предпочтение Театру Станиславского²³ как более «свободному от оперных штампов».

Это со всей убедительностью показала постановка «Катерины Измайловой» в 1934 году. Не преувеличивая, скажу, что новизна самой оперы подействовала тогда ошеломляюще: нетрадиционные, сложные вокальные партии, острохарактерный оркестр при яркой талантливости автора — всё было событием. И вместе с тем целое производило тяжёлое, гнетущее впечатление. Непонятен был не выбор сюжета, а новый смысл, приданый ему Шостаковичем — с оправданием «бунта» Катерины. Я смотрела спектакль не один раз. Трудность задачи была преодолена: артисты держались свободно и всё в целом (оркестр!) звучало хорошо. Спектакль был резким, жёстким, от натуралистически-характерных деталей до обобщения. Особенно остёр был Канделаки²⁴ в партии Свекра. Экспрессионистская концепция оперы раскрывалась смело, без сглаживания, затушёвывания. Некоторые сцены были мучительны. Я видела с балкона, как после убийства в спальне М. В. Иванов-Борецкий во время действия выбирался

²² Там же. Л. 272–273.

²³ Тогдашнее название — Государственная оперная студия-театр имени народного артиста Республики К. С. Станиславского (1924–1938), с 1941 года — Московский Музикальный театр имени К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко.

²⁴ Канделаки Владимир Аркадьевич (1908–1994) — певец (бас-баритон), ведущий солист и режиссёр Театра Станиславского (1929 — конец 1970-х).

из партера: ему стало плохо. Жанровые моменты выделялись сочно, не без цинизма. Немного спустя неплохо была поставлена и опера Хренникова «В бурю», но здесь и сама задача постановщика и исполнителей не сравнима по своей относительной простоте.

Нетривиальна по нынешним (но не по тогдашним!) дням точка зрения мемуаристки на «Пиковую даму» Мейерхольда²⁵:

Театралы, особенно «умники»-театроведы, находили в ней «что-то». Но для музыканта она была ужасна, кощунственна. Выворачивание наизнанку «Ревизора» или «Горе от ума» было у Мейерхольда безвкусным, скучным и в итоге совершенно, ни с какой стороны, себя не оправдывало. В «Клопе» и «Мандате» его эксперименты, по-моему, были к мести. Переделывая либретто «Пиковой дамы», якобы ради «пушкинизации», постановщик рвал и корёжил музыкальную ткань (такую цельную именно в этой партитуре!), идя по существу против Чайковского. Тут уже требовалась в ответ «чайковизация»! И поскольку опера написана Чайковским, а не Пушкиным, странным казался этот замысел уже в своей исходной идее, странным – и каким-то некультурным, честное слово! Вся последующая судьба Мейерхольда, несчастная и несправедливая, побуждала (и позволяет) теперь оправдывать всё, что он делал. Но воздадим кесарево – кесареви: его деятельность режиссёра – одно, его невзгоды – совсем другое.²⁶

О кино, отдав должное музыкальным кинокомедиям Григория Александрова, Ливанова пишет:

Из числа новых серьёзных фильмов отечественного производства запомнились революционные фильмы «Юность Максима» и «Возвращение Максима», в которых превосходен был Чирков-Максим²⁷ и хорошо звучала музыка Шостаковича с опорой на быт.

Один из немногих фильмов с очень большим участием музыки, «Александр Невский» производил впечатление цельного художественного явления. Болтая и самозначительная музыка Прокофьева органически входила в него²⁸.

²⁵ Премьера состоялась 25 января 1935 года на сцене Ленинградского МАЛЕГОТА (с 2001 года – Михайловский театр), Ливанова же смогла посмотреть эту постановку в Москве на сцене Студии-театра Станиславского.

²⁶ Ливанова Т. Н. Воспоминания. Т. 1. Л. 255.

²⁷ Чирков Борис Петрович (1901–1982) – актёр театра и кино, сыгравший в целом не менее 80 ролей. За исполнение главной роли в трилогии о Максиме («Юность Максима», 1934; «Возвращение Максима», 1937; «Выборгская сторона», 1938) получил Сталинскую премию I степени (1941).

²⁸ Ливанова Т. Н. Воспоминания. Т. 1. Л. 258–259.

«Запойное чтение» юных лет в это время не прекратилось, но приобрело несколько иной характер: из текста Ливановой можно сделать вывод, что она осмысливала литературу 1930-х как возникновение *новой, советской классики*, — нами сейчас довольно прочно забытой и иной раз вызывающей радостное удивление при знакомстве с ней — не со всем, разумеется, что приветствовалось *тогда*.

Именно тогда мы получили полное представление об Алексее Толстом («Пётр Первый») и «Хождение по мукам», о Шолохове, о Вал[ентине] Катаеве, узнали Леонова, Фадеева, [Николая] Островского (помнно, как потрясло нас первое известие о нём в газете!), Фурманова, Пришвина, Твардовского и многих других. От чтения журналов вроде «Лефа» и сборников типа «Литературы факта» мы обращались к журналу «Литературный критик», к новым исследованиям, посвящённым русским писателям — Пушкину, Некрасову, Л. Толстому, к томам «Литературного наследства». На собственном читательском опыте, изо дня в день мы убеждались в том, как растут и крепнут наша литература и наше литературоведение, как совершенствуется мастерство писателей и какие различные индивидуальности проявляются среди них. Ильф и Петров доставили нам большое удовольствие своими сатирическими романами, в которых я, нет-нет, и узнавала какую-нибудь знакомую подробность прошлого...²⁹

Насчёт «знакомой подробности» тоже понятно из чтения «Воспоминаний»: в юности, обучаясь в Институте слова, Тамара Ливанова была близко знакома с Евгением Петровым, они бывали вместе в разных компаниях, встречались с одними и теми же людьми — и одними и теми же ситуациями. Кажется, в более поздние годы это знакомство не продолжилось. С предлагаемым Тамарой Николаевной списком писателей эпохи можно согласиться, однако он явно не полон: как минимум в нём нет двух особенно близких нашему времени авторов — Булгакова и Платонова (первый, правда, упоминается, но лишь как автор пьесы «Белая гвардия»). Да и нельзя, неоткуда было тогда получить «полное представление» о таких писателях.

Некую параллель к восприятию литературы 1930-х как «зрелой» или «созревающей» составляет восприятие музыки эпохи:

К концу 1930-х годов у меня определилось общее впечатление о складывающемся облике советской музыки на основании важнейших и наиболее характерных её современных проявлений. Только Прокофьева я как-то «не осознавала» в этом качестве. Муж как раз особенно ценил его ещё со своих студенческих лет, анализировал много его сочинений и очень внимательно, по несколько раз

вслушивался в каждую новую вещь. Мне Прокофьев всё ещё казался слишком объективным, жёстким, холодным, порою чуть не «металлическим». Новый, глубокий и острый, психологизм Шостаковича, своеобразие «скованной» лирики в медленной части Пятой симфонии, напряжённо-экспрессивный драматизм первой части; многозначность образов фортепианного квинтета – всё это открывало мне одну важную сторону нашей современности. Другие были представлены Мясковским (новый оттенок героического, сосредоточенность эмоций), Шапориным (традиционное лирико-эпическое русское, развивающееся дальше), Хачатуряном (смелое обновление симфонизма подлинно восточными звучаниями, а отсюда и новыми методами изложения и развития), Дунаевским (массовая лирика), Захаровым (смелое претворение народной традиции)³⁰.

В целом эта характеристика представляется убедительной и ёмкой.

Наконец, соответственно «классическому», «стабилизирующему» духу времени изменился облик Московской консерватории, ритм её работы и содержание её деятельности:

От рапсовского засилья в начале десятилетия, от узкого тогда понимания актуальности, от ограниченного «допуска» классического наследия – к обединению творческих сил, к новым требованиям изучения истории, к широкому изучению и пропаганде классики – эти общие тенденции культурного развития прямо проявлялись в музыкальной науке, в музыкальном образовании. Не без противоречий, не без борьбы, разумеется, не без издержек своего рода. Несравненно более широким и продуманным стал сам цикл исторических и теоретических дисциплин в системе музыковедческого образования. Совершенствовались методы освещения материала, его преподнесения – и методы проверки знаний.

Дипломная работа не «зашщищалась»: её просто «подавали» и читал обычно один руководитель³¹. Государственных экзаменов не было. В конце десятилетия студенты уже оканчивали пятилетний курс обучения (история музыки читалась 4 с половиной года), держали государственный экзамен (с отметками, как и все курсовые экзамены³²), защищали дипломную работу. Кое-что, возможно, поневоле и утратилось с этим переходом от прежних приёмов довольно свободного и неполного обучения к регламентированному: далеко не все педагоги были

³⁰ Там же. Л. 262 об.

³¹ До 1931 г. выпускники Московской консерватории писали дипломные тексты и зачитывали их на заседаниях МУНАИСа (процедура происходила в форме зачёта с коллегиальным обсуждением). В 1931–1935 годах, действительно, защиты дипломов не осуществлялись.

³² Как известно, в 1920-е отметки для учащихся были отменены.

так значительны, как Иванов-Борецкий, очень увеличилась учебная нагрузка, муштровка могла идти иной раз во вред творческой потенции. Но это, надо полагать, было неизбежно при стабилизации системы обучения³³.

И далее — очень важный вывод:

Мы ещё не имели никаких оснований жаловаться на недостаточность взаимопонимания и душевных контактов с нашими студентами (как бывает иной раз теперь). Мы в общем были едины с ними во взглядах на музыкальную современность и, если могли естественно расходиться в личных вкусах (одним больше нравился Прокофьев, другим Шостакович и т. п.), то отлично понимали друг друга. Мы дружили — этим всё сказано. И дело не в том, что я по возрасту тогда ещё была близка своим студентам: между Ивановым-Борецким и мною пролегло 35 лет разницы — и мы также были едины. Думаю, что дело здесь — не в различии абсолютного возраста, а в том, что советский возраст у нас всех был тогда примерно одинаков. Мы все принадлежали к первым советским поколениям³⁴.

Оригинальное и убеждающее понятие «советский возраст» явно применимо и к оценкам некоторых явлений театральной и литературной жизни. Думается, Ливановой удалось передать характерность, с одной стороны, монументально укрепляющейся и разворачивающейся, а с другой стороны, молодой — по мерке именно «советского возраста», — но во всяком случае весьма непростой атмосферы 1930-х.

Оставим в стороне годы войны, проведенные семьёй Ливановой в эвакуации — в Пензе и Саратове. Тамаре Николаевне одной из первых среди московских консерваторцев, попавших в Саратов, удалось вернуться в Москву: она получила вызов в связи с работой над новым учебником по русской музыке.

«В один из первых же вечеров я услышала первый победный салют в Москве — и чуть не свалилась с постели от пальбы и от радости», — писала я мужу через день по приезде. Дом наш был пустоват, заброшен. Коридор внизу (где жили родители) завален непиленными дровами. В ванной колонка сорвана; вместо неё стоит чугунная «буржуйка» — ванная превращена в кухню. Из старых

³³ Ливанова Т. Н. Воспоминания. Т. 1. Л. 270–271.

³⁴ Там же. Л. 271.

жильцов на месте лишь немногие... В остальных комнатах живут переселённые с верхних этажей семьи. Меня в этой квартире встретили как родную... Водопровод и канализация были исправны, чем жильцы даже гордились³⁵.

И тут же — светлая и радостная картина Москвы в 1943 году:

С волнением и счастьем вглядывалась я в Москву, не уставая ходить и ездить по ней. Ездить было труднее: мало транспорта, трамваи переполнены. «Москва кажется мне изменившейся, — писала я в Саратов после первых впечатлений. — В этом году она не душная, зелёная и какая-то домашняя: заборов нет, местами сожжены даже входные двери. Раны уже залечиваются: дом на Никитском бульваре, аптека на углу Мерзляковского, театр Вахтангова, но много окон выбито. Во всех двориках, где только возможно, огороды — и очень хорошие. Сквер на Погодинке (Девичье поле) — сплошной огород. Везде чисто... Метро несколько изменилось внутри: его превратили в бомбо- и газоубежище. А на земле удивляют все большие окна и витрины. Их нет. Они нагло закрыты фанерой, а посередине каждого окна открываются только небольшие фанерные створки — минимальный просвет. С бульваров и площадей убраны всякие лёгкие постройки, кафе, киоски... Повсюду лежат пузатые серебристые аэростаты (вечером их поднимают). Приятно, что нет духоты и пыли».

Налётов никаких уже не было. Дежурили толькоочные сторожа. Удивительно изменились сами люди в каждодневном бытовом общении: так просто заговаривали в трамвае, такими стали симпатичными, не чинились, не «модничали»; что-то бесхитростное, «домашнее» проявлялось в них на каждом шагу³⁶.

Огромные изменения принёс, естественно, 1945-й:

<...> Год великой победы... Хорошо помню праздничную, лиющуюся, совершенно особенную Москву в День Победы: словно рухнули все преграды между людьми и распахнулись сердца в общем переживании! Я проходила где-то возле площади Восстания (была по делу у Конен) — люди заговаривали на улице, опьянённые чувствами, идущие каким-то потоком к центру... Всё сдвинулось с места! Понемногу изменялось наше восприятие всего непосредственно окружающего. Человек ведь по природе душевно ненасытен! То, что казалось временно терпимым, происходящим в военные годы, усиливаясь после войны, уже оказывалось нетерпимым, требующим протеста, если не преодоления³⁷.

Переломным временем Ливанова считает середину 1950-х:

³⁵ Там же. Л. 402–403.

³⁶ Там же. Л. 403–404.

³⁷ Там же. Л. 443.

Разоблачение культа личности и восстановление ленинских партийных норм в годы после смерти Сталина имели огромные последствия для всех областей идеологической деятельности (как и всякой другой). И хотя решение ЦК о постановлении 1948 года было опубликовано лишь в 1958-м (к десятилетию), явные сдвиги мы уже ощущали именно к середине десятилетия. В 1956 год мы вступили не теми, что были в 1952-м. Со временем я узнала, что мои несчастные братья Владимир и Борис Александровичи полностью реабилитированы. Мне трудно было бы сомневаться в них и без этого. Но теперь всем стало ясно, что они ни в чём не виновны. К сожалению – посмертно...

Многое из того, что нам открыли партийные документы о прошлом, переживалось глубоко и мучительно. Как бы ни радоваться тому, что это прошло, слишком становилось тяжело от того, что это было. Для меня внутренне культ личности как таковой никогда и не был органичным. Разве только как символ. В боях ведь бросались в атаку «За Родину, за Сталина!» Теперь я трезво понимаю, что объективно значение Сталина не отрицается партией в её истории. Но то, что нам раскрыли, с фактами, в подробностях, решительно отвращает и от культа, и от личности! Нормальный человек противоречия в таком масштабе не приемлет: моя психика во всяком случае такого спокойно осмыслить не может. Хочется начисто забыть...³⁸

Вполне человеческая позиция — забыть. И вправду: исключительно памятливая Ливанова в огромном своём тексте вспоминает «такое» пару раз, не больше.

В дальнейшем развёртывании мемуаров «стоп-кадры» снова возникают, но иного характера — больше про природу, людей и собак, нежели про исторические события; пожалуй, больше про театр и кино, нежели про литературу и музыку. Впрочем, что касается литературы, то отметим крупный «стоп-кадр», связанный с принципиально новыми достижениями «деревенской прозы», прежде всего Валентина Распутина и Василия Белова:

Как и многих, меня задела и растревожила в последнее время так называемая «деревенская проза». Собственно она ведь — не только о деревне как таковой, но о наших национальных, исторических корнях, о сопряжённости прошлого и настоящего.

Наиболее сложные проблемы возникают в связи с соотношением «деревенской прозы» — и современных тенденций нашего общественного развития. Боюсь, что многие из духовных особенностей русского крестьянина, столь дорогие, например, Распутину, останутся лишь в корнях нашей национальной духовности. Думаю также, что эстетический идеал, сложившийся в самом

быту русского крестьянства и превосходно раскрытым Беловым («Лад»), быть может, лишь как-то повлияет на дальнейшее духовное развитие, скажется на нём. Но в целом и русская духовность, и эстетический идеал в русской жизни станут иными. Вряд ли для сегодняшнего дня, да и для недалёкого будущего «лад» вообще может быть эстетическим (и жизненным) идеалом: не то времена (к сожалению)! Изменяется в целом наше бытие, всё больше эти изменения затрагивают и деревню, преобразуют её. Идёт индустриализация сельского хозяйства, в него включаются кадры нового типа, вплоть до высокообразованных, слабеет воздействие религии, растёт связь с городом. Печально — в свете идеалов Распутина и Белова? Но исторически неизбежно. И всё-таки хорошо, если наши корни не заглохнут, дадут новые ростки в новых исторических условиях. Воздадим должное тем писателям, которые разбудили эти чувства, стремясь сохранить память о народной традиции в наше время, столь трудное и беспокойное для всего мира³⁹.

В целом — сбалансированная оценка профессионального историка.

ЛИТЕРАТУРА

199

- 1 *Ливанова Т. Н.* Музыка в произведениях М. Горького. Опыт исследования. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 340 с.
- 2 *Ливанова Т. Н.* Музикальная драматургия И. С. Баха и её исторические связи. Ч. I. Симфонизм. М.; Л.: Гос. муз. изд-во, 1948. 232 с.
- 3 *Ливанова Т. Н., Савёлова З. Ф.* Указатель литературы о Н. А. Римском-Корсакове на русском языке // Советская музыка. 1933. № 3. С. 188–194.
- 4 Российский национальный музей музыки (РНММ). Ф. 194 (Ливанова Т. Н.) № 1754-а, б, в. Ливанова Т. Н. Воспоминания. Т. 1–3. Автограф, машинопись. 512, 431, 431 л.
- 5 Счастливые воспоминания о предвоенной Москве // Эл. ресурс: https://moscowchronology.ru/predvoennay_Moskva.html.

REFERENCES

- 1 *Livanova T. N.* Muzika v proizvedeniyakh Maksima Gor'kogo. Opit issledovaniya [Music in the Works of Maxim Gorky. An Analytical Essay]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR [USSR Academy of Science Press], 1957.
- 2 *Livanova T. N.* Muzikal'naya dramaturgiya I. S. Bakha i ee istoricheskie svyazi. Ch. I. Simfonizm [Musical Dramaturgy of J. S. Bach and Its Historical Connections. Part I. Symphonism]. Moscow and Leningrad: Gosudarstvennoe muzikal'noe izdatel'stvo [State Music Publishing House], 1948.
- 3 *Livanova T. N., Savelova Z. F.* Uказatel' literaturi o N. A. Rimskom-Korsakove na russkom yazike [Index of Literature on N. A. Rimsky-Korsakov in Russian] // Sovetskaya muzyka [Soviet Music]. 1933. No. 3. P. 188–194.
- 4 *Livanova T. N.* Vospominaniya [Memoirs]. Vols. I–III (1974–1983). Russian National Museum of Music (RNMM). Fund 194 (Livanova T. N.) No. 1754-а, б, в. c. 512, 431, 431 folios.
- 5 Schastlivie vospominaniya o predvoennoy Moskve [Happy Reminiscences of Pre-War Moscow] // URL: https://moscowchronology.ru/predvoennay_Moskva.html.